

После секретной беседы мать и сын неохотно попрощались.

Покидая стены Холодного дворца, Юн Ци заметил, что снаружи начался сильный снегопад.

Снежинки падали на землю, покрывая её слоем пушистого и чистого снега. Всё вокруг было ослепительно белым, словно зима облачила императорский дворец в новый наряд.

Юн Ци вышел через обветшавшую дверь дворца, за стенами которого его уже давно ждал встревоженный Чан Дэфу, укрывающийся от снегопада под карнизом. Вобрав голову в плечи, слуга поспешно подошёл к юноше, обнажая радостную, но замёрзшую улыбку:

— Ваше Высочество уже вышел? Ваш слуга сразу сказал, что будет снег, смотрите, такая погода тц-тц. Ваше Высочество, прошу скорее садитесь в паланкин, а то Наследный принц уже заждался.

Юн Ци вспомнил, что его ждёт Юн Шань, и на сердце стало ещё тяжелее.

Этот безжалостный младший брат, от которого он постоянно скрывался, был ему раньше совершенно не симпатичен.

Но неожиданно внешность оказалась обманчива. Сегодня он был уже не таким, как вчера. В таком большом императорском дворце Юн Шань всё же показал своё истинное сердце, вызвав трогательные и искренние чувства.

Матушка приказала выкрасть вещь, разве не из-за того, что теперь Юн Шань окружал его заботой и был добр к нему?

Видимо, императорский дворец был тем местом, которое заставляло сердца покрываться холодом, наполняя их безразличием. Независимо от того, насколько хитроумен и проницателен был человек, если у него оказывалось немного доброты в сердце, то его неизбежно могли ударить ножом в спину.

Юн Ци смотрел на снегопад, и чем дольше предавался своим мыслям, тем тяжелее ему становилось.

Однако если не выполнить просьбу матушки и не принести ей то, что она потребовала, то наложница Шу может рассмотреть это, как повод и станет действовать, и тогда вероятнее всего матери и сыну не удастся сохранить свои жизни. Его собственная жизнь — пустяк, но если с заточённой в Холодном дворце Матушкой что-то случится, уже будет незачем взывать к Небесам — они всё равно не ответят, а сами крики будут совершенно бесполезны. Неужели он действительно будет спокойно смотреть, как его дорогого человека сводят в могилу?

Он не знал, как поступить, и совершенно не хотел возвращаться во дворец наследного принца.

Юноша был расстроен и стоял в оцепенении.

Чан Дэфу предполагал, что встреча с заточённой в опустевшем и заброшенном Холодном дворце наложницей Ли, стала огромным ударом для Юн Ци. Слуга поднял взгляд и смотрел, как снежинки, кружась в бесконечном танце ветра, спускаются с небес. Приплясывая от холода, он умоляюще проговорил:

— Ваше Высочество в душе совсем огорчён, лучше грустить тогда, когда вернётесь домой. Если Вы замёрзнете и заболаете, и об этом узнает госпожа Ли, то разве её сердце не опечалится ещё сильнее? В конце концов Вы — единственный ребёнок у госпожи. Идёмте в паланкин, снежная погода и ветер — это не забава. Его Высочество Наследный принц сказал, что если Вы хоть немного простудитесь, то Ваш слуга может сразу же распрощаться со своими ногами. Прошу Вас войдите в положение и проявите сострадание к Вашему слуге...

За то время, что Юн Ци жил под одной крышей с Юн Шанем, слуга тщательно изучил характер этого принца. Юн Ци был был мягче и в десять раз добрее, чем его господин. Поэтому смотря на высокого принца, Чан Дэфу уговаривал его и в тоже время многозначительно глядел по сторонам, заставляя слуг подняться. Немного прибегнув к обману и уговорам, слуге удалось усадить Юн Ци в паланкин. После чего его спешно подняли и сразу же понесли прочь, подальше от этого места.

Снег, который с каждым разом становился глубже, скрипел под ногами Чан Дэфу, а сам слуга, сунув руки в меховые карманы, быстрым шагом шёл около паланкина.

Дорога была длинной. Все, кто нёс паланкин и все, кто следовал за ним, были с головы до плеч обсыпаны белыми хлопьями снега.

С огромным трудом им наконец-то удалось разглядеть большие ворота дворца наследного принца, которые показались вдалеке.

Неожиданно из ворот вынесли закрытый паланкин, за которым следовали несколько стражников. Он двигался им навстречу и, стоило посмотреть на пышную отделку и на манеры слуг, что сопровождали его, как Чан Дэфу сразу понял — это паланкин наложницы Шу.

Одна группа слуг случайно натолкнулась на вторую, покрытую снегом.

Чан Дэфу не осмелился грубить. Слуга тотчас же приказал своим людям отойти в сторону и, остановившись на краю дороги, подождать, уступив дорогу наложнице Шу. Отведя своих людей, слуга растянул губы в улыбке, прижался к занавешенному паланкину и заговорил:

— Ваш слуга желает государыне-императрице Шу доброго здоровья. В такую холодную погоду государыня-императрица всё же приехала навестить Его Высочество наследного принца? Увы, Вашему слуге не посчастливилось лично подать чай государыне-императрице, ведь он как раз отправился выполнять одно поручение.

Наложница Шу сидя в паланкине мягко рассмеялась:

— Разве это может считаться счастьем? Способность управлять личными делами Его Высочества наследного принца, вот что может называться счастьем. Внутри паланкина Юн Ци?

— Спешу ответить государыне-императрице, да внутри действительно Его Высочество Юн Ци.
— Услышав голос наложницы Шу, Чан Дэфу понял, что что-то скрывалось в её словах. В душе он жаловался на трудности, ведь всем этим благородным господам так тяжело угодить — один малейший проступок и слуг ждал печальный конец. Прижавшись одной стороной лица к толстой занавеске паланкина, слуга с несчастным видом рассмеялся: — Государыня, не нужно обижаться, Ваш слуга набрался смелости и вновь спешит сказать, что подавать чай — это, конечно же, счастье. Когда Ваш слуга подаёт чай, тем самым передает с отваром богатство и женскую красоту, как же можно тут ослушаться? Голова Благородной[1] в десять тысяч раз ценнее, чем голова слуг, а один волосок важнее всей жизни Вашего слуги...

Наложница Шу вновь мягко и забавно рассмеялась.

Позади появился ещё один паланкин, в котором находился Юн Линь.

Юноша никогда не мог усидеть на одном месте и на этот раз отправился вместе с наложницей Шу навестить Юн Шаня. Если бы не снегопад, он убился бы на глазах своей матери, лишь бы только не оставаться в паланкине, умирая от скуки. Паланкин остановился, и Юн Линь сразу же высунул голову наружу. Увидев, что Чан Дэфу находится рядом с паланкином матушки Шу и приветствует её, юноша обратил внимание на стоящий в стороне другой паланкин и тотчас же громко спросил:

— Там старший брат Юн Ци?

Говоря это, юноша выскочил и с улыбкой на лице начал приближаться к паланкину Юн Ци, взволнованно зашумев:

— Вот так раз! Старший брат Юн Ци, скорее выходи и взгляни на этот снег! Благодатный снег, от которого зависит урожай, и должен быть таким сильным. Я только сейчас говорил, что хочу со старшим братом слепить кучу снеговиков и превратить их в ледяные фонари [2]. Но старший брат Юн Шань сказал, что ты куда-то ушёл. К счастью я встретил тебя посреди дороги, ха-ха-ха!

Но не успел юноша дойти и приподнять занавеску, чтобы увидиться с Юн Ци, как сзади раздался голос наложницы Шу:

— Юн Линь! Ты куда побежал в такой снегопад? А ну вернись назад.

— Но...

— Ты к тому же ещё и не слушаешься? Пропускаешь мимо ушей мои слова и слова твоего старшего брата? Ну раз так, то Матушка тотчас же возьмёт тебя и отправит обратно в пожалованные земли.

— Матушка, я только лишь хотел поговорить со старшим братом Юн Ци.

— О чём можно говорить, стоя на дороге, да ещё в такой снегопад? Ты сядешь обратно в паланкин или нет?

Находясь в паланкине, Юн Ци слышал разговор матери и сына, и ему стало дурно. Тогда юноша поднял занавеску и тихонько проговорил:

— Юн Линь, послушайся государыню и поспеши обратно в паланкин.

Юн Линь не ожидал, что Юн Ци тоже встанет на сторону его матушки. Его радостное лицо в миг сморщилось, словно китайская горькая тыква, а сам юноша тоскливо и неохотно пробурчал:

— Я понял, вы все не любите меня.

Юн Линю ничего другого не оставалось, как повесить голову и понуро пойти обратно.

Заставив сына вернуться в свой паланкин, наложница Шу вновь вернулась к разговору с Чан Дэфу.

— Чан Дэфу, раз уж выпал редкий случай, я скажу тебе всю правду. — Она приказала слуге немного приблизиться к ней, вытянув два пальца. Женщина немного приподняла занавеску, словно действительно хотела раскрыть тайну, понизила тон и вдруг холодно произнесла: — Недавно ты тайком связывался с кем-то из придворных лекарей и, достав какие-то тайные лекарства, решил угодить Юн Шаню. Я всё видела.

Чан Дэфу внезапно испугался и чуть не рухнул на снег.

Наложница Шу холодно усмехнулась и шёпотом, который мог услышать лишь слуга, не спеша, добавила:

— Не нужно считать, что над твоей головой лишь один внушающий страх Его Высочество Наследник престола, в этом дворце есть множество влиятельных и жестоких персон. Юн Шаню в этом году только исполнилось шестнадцать, также ты не видел, сколько лет я прожила в стенах этого дворца. Без меня, своей матери, разве тот, кому ты служишь, занял бы должность

наследного принца? Его уже давно бы предали, как Юн Ци.

Холодная погода и снегопад пробирали до костей, заставляя Чан Дэфу дрожать всем телом. Понимая, что вызывать недовольство у сидящей в паланкине наложницы Шу — это не забава. Да ещё как назло Чан Дэфу был втянут в дела между Юн Шанем и Юн Ци. С вымученной улыбкой мужчина проговорил:

— Прошу государыню-императрицу усмирить свой гнев. Ваш глупый слуга лишь выполнял приказания Его Высочества Наследного при...

— На этот раз я пощажу тебя. — После острого удара тон наложницы Шу вновь изменился, став мягче: — В действительности не стоит ничего говорить про какую-то бессмысленную беседу между Благородной и слугой. Если человек нашёл путь к спасению, то его животные также вознесутся на небо, думаю, самую суть ты понял. Хорошенько позаботься о Юн Шане.

— Слушаюсь-слушаюсь.

— Как можно скорее отправь Юн Ци обратно во дворец, обеспечь Юн Шаню спокойствие и благополучие, и тогда ты сохранишь свою жизнь. Понял?

— Слушаюсь-слушаюсь, все только и ждут приказа Вашего слуги, как только государыня-императрица прикажет...

— Замолчи. У меня нет никаких приказаний для тебя, нечего сыпать на мою голову обвинения в подстрекательстве. — Закончив говорить, наложница Шу медленно поддалась назад и села прямо. — Выдвигайтесь в путь, я хочу вернуться к себе и отдохнуть.

Чан Дэфу отступил назад и, вытянув руки вниз, почтено ожидал пока наложница Шу проедет. Слуга проводил её долгим взглядом и протяжно вздохнул. Смахнув холодный пот со лба, Чан Дэфу вернулся к ожидавшему в стороне паланкину Юн Ци и проговорил:

— Ваше Высочество, мы возвращаемся. — Развернувшись, он топнул ногой и начал бранить нескольких неуклюжих слуг, что несли паланкин: — Выдвигайтесь в путь! Неуклюжие! Живее, ленивые дряни, вы что, не видите, что снегопад усиливается?

Паланкин внесли во дворец наследного принца, где его и в самом деле ждал Юн Шань.

Неизвестно, то ли юноша провожал наложницу Шу и Юн Линя и ещё не успел войти в ворота дворца, то ли действительно специально ждал старшего брата и вышел его встречать. Так или иначе, Юн Ци покинул паланкин и ему предстало величественное зрелище: Юн Шань, молодой, уверенный и независимый, с выдающимися талантами и внешностью, стоял на ступеньках. Не показывая ни гнева, ни злости, он выглядел грозным и внушительным сыном императора, который особенно выделялся на фоне снежного неба.

Юн Ци посмотрел на юношу, и его сердце бешено забилося в груди, а с губ сорвался невольный вздох. Понятно, что братья были похожи, как две капли воды, однако Юн Шань был отважен и величественен, а Юн Линь постоянно подлизывался и не шёл ни в какое сравнение со своим старшим близнецом.

Любимые вторые жёны Огненного императора Янь-ди обладали необыкновенной красотой. Каждый из рождённых сыновей также не был ею обделён. Юн Ци был изящен и превосходил всех остальных братьев. Поэтому старшему брату, который совершенно не обращал внимания на внешность, больше нравился весёлый, мягкий и дружелюбный характер, как например у Юн Линя.

Впервые в жизни, юноша был заморожен поистине редчайшей красотой. Пока он смотрел на это величественное зрелище, словно молодая девушка, которая ещё мало повидала в своей жизни, его бросало от одной абсурдной мысли к другой и незаметно для себя он сравнивал внешность двух младших братьев.

Юн Шань слегка отличался от Юн Линя, и всё потому, что раньше он своим двуличием наводил ужас. Однако сейчас, когда Юн Шань познал, что такое отвага, начал превращаться в решительного юношу, постепенно проявляя своё хладнокровие и сообразительность.

Юн Ци не шёл ни в какое сравнение с ним.

Юноша ни с того ни с сего засмутился. Прождав долгое время, Юн Шань уже сам спустился со ступенек, взял Юн Ци за руки и поинтересовался:

— Старший брат замёрз? Почему стоишь на ступеньках и не желаешь заходить во дворец? — красивое лицо юноши вновь нахмурилось. — Руки ледяные. Чан Дэфу ещё осмелился говорить, что тщательно выполняет свои обязанности, почему он не подготовил грелку для рук?

— Подтверждаю, Ваш слуга плохо сделал своё дело. — Часто повторял, ругая себя, стоящий в стороне Чан Дэфу.

Юн Шань не обращал внимания на Чан Дэфу. Юноша взял старшего брата за руку и повёл во дворец.

В душе Юн Ци чувствовал себя растерянным. Он внезапно вспомнил о том, что велела ему наложница Ли. В один момент мысли сменились, и Юн Ци подумал про войну его матушки с наложницей Шу. Также он понял, что совершенно незнаком с Гун Ухуэем. Немного погодя Юн Ци оказался перед Юн Шанем, и, будучи человеком честным, терялся в догадках, получится ли у него скрыть от безжалостного младшего брата своё истинное лицо.

Он испытывал крайнее волнение, когда Юн Шань шёл вместе с ним по галерее. Не зная, что и сказать, Юн Ци вымолвил первое, что пришло в голову:

— На обратном пути, я встретился с наложницей Шу и Юн Линем.

Юн Шань внезапно остановился, через мгновение вновь улыбнулся и продолжил путь, небрежно бросив:

— Правда? Матушка о чём-то говорила?

— Я не виделся с государыней лично, так как сидел в паланкине. Чан Дэфу попросил не волноваться и тотчас же направился к ней. Я выказал своё непочтение. Надо было самому покинуть паланкин, подойти и поприветствовать наложницу Шу, только тогда бы я успокоился.

Юн Шань хоть и с улыбкой, но немного осуждающе проговорил:

— Погода очень снежная, да и поприветствовать быстро не получилось бы. Старший брат, ты такой человек, которому нравится страдать по своей же вине.

Остановившись перед дверью, юноша сам поднял толстую занавеску, висящую на ней, тем самым позволяя Юн Ци пройти внутрь.

В комнате до сих пор горел огонь в печи, согревая и придавая ей ещё больше уюта.

Войдя внутрь, Юн Ци машинально и неторопливо с наслаждением вздохнул. Юн Шань встал за его спиной, обвил двумя руками талию, заключая того в объятия, и произнёс:

— Во всём моём огромном дворце только эта комната соответствует желаниям старшего брата. Здесь достаточно тепло, а носить столько одежды на себе наоборот тяжело и неудобно. Старшему брату нужно хотя бы немного раздеться.

Обнимая спереди Юн Ци, Юн Шань на ощупь поднялся выше к подбородку юноши, отыскал пальцами ярко-красную атласную верёвочку накидки и потянул вниз, помогая старшему брату развязать её.

Юн Шань не позволял себе вольностей, однако Юн Ци ни с того ни с сего почувствовал слабость, его тело и даже колени обмякли, от чего стало трудно держаться прямо. Должно быть, эта слабость появилась из-за того, что в комнате было действительно слишком жарко и сильно отличалось от царившего снаружи холода.

Примечания:

[1] С дин. Хань — титул чиновной придворной дамы и первой, после императрицы, из младших жён императора.

[2] Ледяные фонари - ледяные скульптуры с подсветкой, которые строят зимой в северных районах Китая, а также их строят в Харбине на Новый год на реке Сунгари.

<http://bllate.org/book/13372/1189582>